

Каждый год 18 апреля, в день рождения Юрия, или в ближайшее воскресенье его вдова Наташа собирает друзей. Тех, кто ценил его Божий дар, литературный и человеческий. По обычаю рюмочка наливается и Юрию: стоит на столе нетронутая. Гостей он угощать любил. А его самого с рюмочкой я что-то не вспомню. Скорей с лобзиком. Или с домкратом. Если вы встретите на столе уличного торговца книги «Приключения Карандаша и Самоделкина» и «Волшебная школа», рекомендую: купите для внука. Автор - Дружков, это псевдоним Юрия Михайловича Постникова. Книжки из советской эпохи, однако как будто не впитавшие ее унылые веяния, уродство, фальшь. Выдержали слом времен, когда провалилось в тартарары множество книг классиков: так почти без иронии именовали писателей, увенчанных бессмертными наградами - орденами и премиями, бывших марионетками для властей и литначальниками с политическим весом. В такую обойму Юрий, конечно же, не входил. При его жизни «Приключения» вышли только дважды, а «Волшебная школа» ни разу. Хотя готовилась. Хотя и жаждал увидеть. И в энциклопедиях о нем не прочитаешь. А бабушке с дедушкой, покупающим книгу для внука, полезно знать, кто ее сочинил.

Искусство - автобиография человека. Всякое искусство. А книжка для малышей? И она тоже. И в сказочном повествовании оживает время. Даже если автор этого не слишком желал. Жизнь часто кровоточит, говорить о ней больно. Авторы проговариваются. Вот сказочный Карандаш будит сказочного Самоделкина, испугался чего-то. Самоделкин бормочет: «Ты, наверное, нездоров. Тебе надо съездить на Черное море». Странновато. При чем тут море? Или вот: в утренний час в палате спят дети. Маленькие и почему-то усталые. Но надо вставать. Дети учатся на волшебников, а волшебникам не пристало быть лежебоками. Как будят малышей, что не хотят просыпаться? Карандаш говорит: «Наверное, мамы и папы глядят их по головке...»

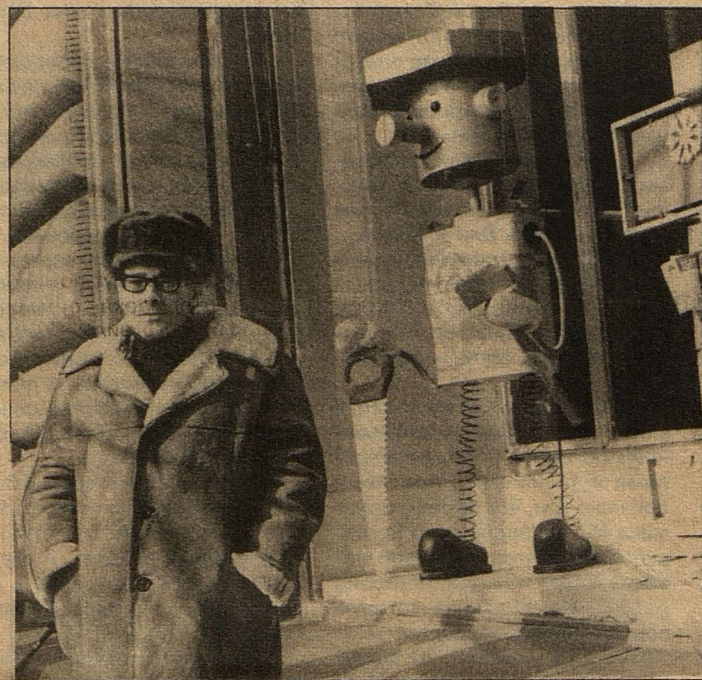
Два эпизода... почему автобиография? Уверен, что Юрий должен был где-то, проговорившись, связать болезнь с поездкой на море. И именно у него в подсознании затаилась особенно острая тоска по родительской ласке.

Я все объясню. Юрий родился в 1927-м в Москве, в рабочей семье. Отец вскоре спился и умер, мать вновь вышла замуж. А мальчик в три года заболел страшной болезнью живущих в трущобах: туберкулезом костей. Не ходил, не двигался. Был от-

Судьба волшебника

правлен в туберкулезную больницу-санаторий в чеховской Ялте (вот оно, Черное море!). Здесь, притиснутый к постели, среди таких же тяжело больных ребятшек он провел - страшно сказать

ка, куда он припелся на костылях, был заперт. Сестер, Лиду и Галю, приютила тетка. Он проник в дом. Еды не было. Окно выходило на кладбище. Он не знал, с чего начать. Чем жить? Сел у окна

- тринадцать лет. Без родных, без близких. Приласкал ли его кто-нибудь? Навестила ли мать? В «Волшебной школе» есть материнская присказка: «У кошки заболи, у собаки заболи, а у тебя, мой родненький, не боли...» Он пережил голод, что в начале 30-х смертной сталинской метлой прошел по Украине и Крыму. Он пережил здесь... немецкую оккупацию. Неужто и она бросила на сказку свою черную тень? Читаем: «Я не могу видеть спортивный самолет на берегу моря. Под ним весь пляжный песок залит пахучим бензином... Мне больно смотреть на дом, где... сидят запертые на ключ совсем еще маленькие два мальчика и одна девочка... - Мы военнопленные, - сказал Прутик».

В 14 лет его поставили на костыли. Он ходил еле-еле. Это был подросток-калека, с телом, изувеченным болезнью. Сукороченной ногой в ортопедическом ботинке (или ботинок появился позже?). Однако - выжил. В 1944-м вернулся в Москву. Незадолго до этого арестовали отца; потом - мать. Уголовщина или политическое? Он никогда не говорил об этом.

Дом, вернее деревянный барак неподалеку от Птичьего рын-

ка, куда он припелся на костылях, был заперт. Сестер, Лиду и Галю, приютила тетка. Он проник в дом. Еды не было. Окно выходило на кладбище. Он не знал, с чего начать. Чем жить? Сел у окна

и заплакал. А может, не заплакал. Точно не знаю.

Тетка пригнала и его. Стал учиться. Кончил десятилетку. Здоровье улучшалось. Он даже сменил костыли на палку. Дальнейшее не столь драматично. Заводская многотиражка... Заочное полиграф... С 1956 и до конца работал литредактором в «Веселых картинках». Чтобы пройти такой путь, надо было выковать свой характер. В ежедневной борьбе с бедностью, болезнью, почвой, средой. И - этого не избежешь - с самим собой. Посильная беда со смехом. В «Волшебной школе» лечат поволшебному: простуженный мальчик засмеялся и почувствовал себя гораздо бодрей. Вы верите? Я верю. Смех и фантазия неотделимы. Самоделкин, пролетая над городом, видит парусный корабль, фрегат, ветер поет в мачтах и гудит в медных пушках, точно это сигнальные трубы. Откуда же эта гриновщина? Помню, я заглянул к Юрию в туманный мартовский вечер 1981 года. Застал его за работой. Нет, он не писал, хотя сидел за столом. Ничего не писал, но работа была творческая: весь кухонный стол занимал деревянный фрегат. На окне стояли небольшие грозные

пушечки, их было 24. Оказалось, что Юрий творит уже второй корабль: первый он подарил художнику Виктору Чижикову. А этот для сына Валечки. Я увидел у Юрия чертежи фрегата. Спросил: откуда? Он начал рассказывать.

Случилось ему однажды участвовать в международной встрече писателей. О чем шла речь, неважно. (Наверное, о том, подумал я, чтобы убедить западных издателей чаще издавать советских классиков, чтобы у них в зарубежных поездках было больше долларов и франков; необходимость таких поездок кратко обосновал остроумный Ярослав Смеляков. Однажды вошел к тогдашнему председателю инкомиссии Косорукову и закричал с порога: «Пошли на сип-позиум в Америку, Танька вся голая!»).

На совещании, то бишь встрече, плавно продолжал Юрий, в зале звучала иностранная речь. Мы языком не обучены, но были рядом переводчики. А в перерыве заглянули в кафе, где переводчиков не было. Русскому писателю захотелось познакомиться с гостями. Он достал блокнот и нарисовал дом. Вот, мол, здесь живу. Все заулыбались, включились в игру, ведь детский писатель - это не профессия, а образ жизни. И по очереди нарисовали свои дома: у кого с покатою крышей, у кого с плоской. Русский познакомил всех с сыном, которого взял с собой на международную встречу. Гости нарисовали своих детей, оставленных дома: в Париже, в Мадриде. Один - подростка на велосипеде, другой - девочку с ракеткой. А писатель из Португалии нарисовал мальчика с игрушечным фрегатом в руках. Тут Валечка заволновался, взял карандаш и поставил рядом с фрегатом вопросительный знак. Португалец нарисовал молоток, пилу и вилку чертежа. А Валечка - конверт. И к нему протянул от чертежа стрелку. Португалец кивнул. Все поняли: обещает прислать русскому мальчику чертеж корабля. И хотя обещания, которые взрослые дают детям, выполняются не всегда, на сей раз пошло как по нотам. Пришел в Москву пакет с португальской маркой, в пакете фотокопии чертежей. И русский писатель превратился в кораблестроителя. Сын помогал пилить и клеить. Пушечки, сделанные из воска, знакомая художника отлила из настоящего чугуна; другая сшила паруса; кто-то подарил колокольчик, который превратился в корабельный колокол. И когда корабль уже стоял на столе во всем великолепии, готовый к плаванию в романти-

ческую сказку, кораблестроитель сказал: «Позвольте, что же это за чертежи?» И, вооружившись лупой, прочел: «Корабельный мастер Аугусто Перейра, 1806 год».

Вот и все. Юрий закончил и замолчал. «Красивая история, - сказал я. - Слишком красиво, чтобы быть правдой. Признайтесь, Юра, ни на каком совещании вы не были. Нас на встрече с иностранцами не зовут. Вы же не Агния Барто! Вы все выдумали, да?» И Юрий признался: да, выдумал. Но не все, не все! Чертежи действительно старинные. Подарил знакомый инженер. Между прочим, иностранец. Из Праги.

Мне стало вдруг очень грустно. Но только на минуту. А потом стало весело. Я понял: трудясь в одиночестве над фрегатом (участие Валечки преувеличено), Юрий продолжал спор с косной действительностью. Создавал прекрасную сказку. Он и вправду вскоре написал историю про кораблик. Но издать не сумел. Тут ему волшебства не хватило. Издаваться всегда было трудно. Кстати, зачем ему понадобился псевдоним, который прирастал долго, с трудом? Думаю, вот зачем. «Приключения» вышли в «Молодой гвардии». Работал Юрий в журнальной редакции того же издательства. И ему надо было укрыться от зависти коллег. А кто-то мог ему и помешать. Литераторы долго относились к Дружкову настороженно. Детям же понравилось все, что он написал! После выхода «Приключений» счет письмам пошел не на десятки и сотни, а на мешки. Юмору противопоставлена сложность. И Юрий это отлично знал. Его шутки просты. Это шутки ребенка.

Он был застенчивым, мягким. Цепким и целеустремленным. Мог исправить уют, починить автомобиль: у него был неказистый «Запорожец» с ручным управлением. И с редким терпением он строил фрегаты. До выхода «Волшебной школы» не дожил трех месяцев: его не стало 30 декабря 1983 года. Как бывает, новый день кладет новые блики на сказанное вчера. Ныне, когда человеку лучше всего рассчитывать только на самого себя, и в конечном счете это хорошо и справедливо, совсем по-другому звучит: «Кто все делает сам, тот обязательно становится волшебником». Призыв, оплаченный горькой и счастливой жизнью автора. Он, по завещанию, был погребен в церкви Всех Скорбящих Радости. Похоронен на Калитниковском кладбище. Том самом, у Птичьего рынка.

Владимир ПРИХОДЬКО.

Постников Юрий Михайлович

Моск. правда - 1996 - 4 мая - с. 6.